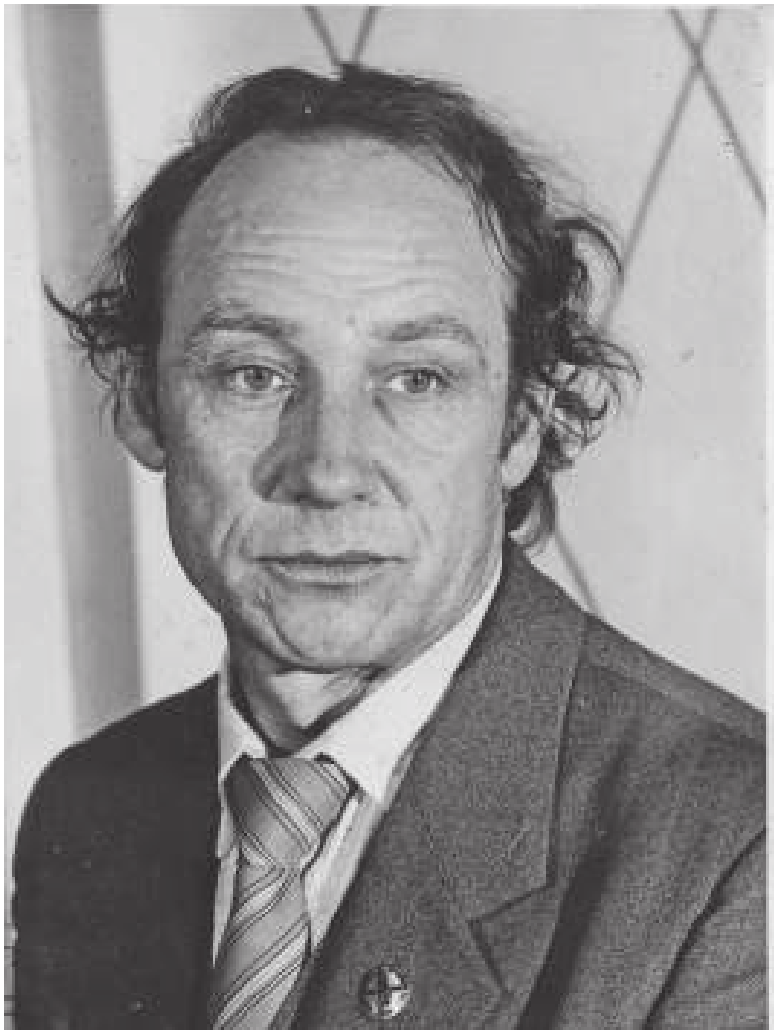

А. П. Мальцев. Середина 1980-х гг.

Анатолия Петровича Мальцева я знаю давно. Сейчас даже и не припомню точно, с какого года – был ли это 2006, год появления первого взмаха «Крыльев», а, может, 2005, когда «Крылья» только задумывались. Может, 2007… Не помню. Потому что, кажется, всю сознательную жизнь мы собирались в его гостеприимном доме на Черниговской. Его смерть – это огромная потеря, потеря, в первую очередь, личная – ведь, несмотря на разницу поколений, прежде всего он для меня был другом, а потом уже наставником, поэтом, художником и есениноведом. Он был яркой личностью, многогранной, никогда не переставал удивлять – казалось бы, мы уже слышали множество историй, связанных с есенинианой, или из его учительского опыта, или времен службы в армии – каждый раз находилась новая, заставляющая по-другому взглянуть на него. Учитывая потрясающую скромность и интеллигентность Анатолия Петровича, через такие случаи из жизни он перед нами и раскрывался. Очень сложно передать на бумаге портрет человека, но, пожалуй, отсутствие хвастовства при большом таланте, человечность, живое чувство юмора и любопытство к окружающим – это те черты, которые сразу же улавливал любой человек, впервые попав к нему в гости.

Людей он очень любил. И ещё любил добродушные провокации – любого «новичка», первый раз посещающего Богемный Трюм на Черниговской, Анатолий Петрович усаживал в кресло, как бы мимоходом замечая, что в этом кресле когда-то сидела двоюродная сестра Есенина. Опешив, «новичок» проникался важностью места и момента и иногда пытался пересесть (а вдруг здесь нужно вести себя, как в музее, и не прикасаться к экспонатам?), но после первой же кружки чая осваивался и успокаивался, оценив тонкое чувство юмора хозяина.

Обсуждать здесь можно было всё, что угодно. Больше всего в Богемном Трюме говорили, конечно же, о литературе. Анатолий Петрович Мальцев (или АПМ, как мы иногда его называли между собой) сам писал стихи, больше 50 лет увлекался Сергеем Есениным и тем, что с ним связано, многое читал наизусть, интересовался всем новым и честно признавался, если чего-то не понимал. Например, фантастика – это точно не его. Или современные боевики. Или «Игра престолов». Откровенно говорил, что холодно-выверенной поэзии Бродского предпочитает более близкого Евтушенко, хотя с удовольствием слушал, если мы читали стихи Иосифа Александровича. Рассказывая о есениниане, он вспоминал, что увлекся поэзией Сергея Есенина на уроках литературы в школе – их учительница хвалила Маяковского, но осуждала крестьянского поэта Есенина, однако когда читала его наизусть, эмоционально, выразительно – у неё даже уши краснели – ученики понимали, что на самом деле она восхищается Сергеем Александровичем, а поэзию Владимира Маяковского декламирует формально и без души. Главное – в доме Мальцева всегда звучала поэзия, и это создавало неповторимую творческую атмосферу Богемного Трюма. Именно ему я одному из первых читала свои стихи, к нему же, в Зал Неисчерпаемых Удобств (та самая комната, с креслом, в котором сидела двоюродная сестра Есенина), приходила за вдохновением, делилась стихами любимых поэтов, обсуждала недавно прочитанное, слушала новые стихи самого Анатолия Петровича.

Отличала АПМа и любовь к слову. Это распространялось не только на литературу – он очень любил записывать смешные оговорки, ошибки и ляпы других людей, искренне сме-

ялся, если автором какого-то случайного каламбура становился сам – например, как-то обозвал очки покойной тёщи очками «бывшей почившей», да так и прицепилось к ним это название. Не одна страница была заполнена «кукизмами» – друг и одноклассник Анатолия Петровича, Валерий Фёдорович Кук, луганский художник и завсегдатай Богемного Трюма, всегда был кладезем забавных фраз: «Она была вся нефотогенична, кроме голоса», «Поэт должен быть мужчина, и кучерявый», «Женщина – всегда поэт, если она даже стихов не пишет», «Она рисовала добросовестные этюды», «Цены дорожают, а платят мало, приходится заниматься оптимизмом» – их огромное множество, всех не перечислишь. АПМ даже мечтал написать серию рассказов из этих фраз в духе Зощенко, но так и не сложилось.

А. П. Мальцев. Конец 2000-х гг.

Ну и, конечно, картины. Без них Богемный Трюм представить себе невозможно. До того, как большая часть произведений Анатолия Петровича Мальцева была передана в Луганский художественный музей, гости, приходящие в первый раз и уже посидевшие в упомянутом кресле, сопровождались в галерею (в которой были приёмные и не приёмные дни), чтобы посмотреть на картины – ведь не просто так на чай заскочили, всё-таки к художнику. И в этом,

безусловно, тоже был свой юмор – посетители попадались совершенно разные, далеко не все из них были знатоками авангардистов не то что на полотне, но даже в литературе путали футуристов с символистами – и это в лучшем случае. Все они должны были оставить отзыв в записной книжке. Перечитывать их было сплошным удовольствием – и, понятное дело, что-то в стиле «ничего не понял, поэтому не понравилось» тоже встречалось.

Писать об Анатолии Петровиче можно очень много, и очень долго, и всё равно почти ничего так и не рассказать. Он многое сделал, на многих повлиял, многим помог. Очень жаль, что в силу своей скромности он не настолько известен в Луганске, насколько мог бы быть, и насколько заслуживает. Надеюсь, что благодаря этой коротенькой зарисовке о нём узнает и о нём будет помнить хоть немного больше людей.